

I.

НЕОНИГИЛИЗМ.

Credo.

„Дух разрушения есть создающий дух“. — говорил Бакунин; а на вопрос: „что же Вы станете делать, когда на разрушенном постройте свой идеал“? он ответил: „вновь разрушим“! — Что за несообразность! А я говорю: дух разрушения — самодовлечем.

Если Аристотель называет человека животным общественным, то отсюда не следует, что он всегда был таковым и, очень вероятно, что социальная психика его есть продукт экономики, воспитания, среды и наследственности. Мы знаем много примеров, когда высоко развитые интеллектуально личности, покидают общество, разрывают с ним связь навязанную рождением и блага организованной культуры считают безценными и, даже вредными для индивидуальной свободы, они как-бы подчеркивают свою антиобщественность и этим противоречат аристотелевскому выводу. Очевидно сталкиваются два элемента, заложенных прошлым в человеческую натуру: независимость личная и обязанность к обществу. Много систем создано людьми интересующимися социальными проблемами; в них с более или менее верной оценкой, проводилась грань, отделяющая личность от общества, как организации личностей. Конечно, только на известной ступени задается человек подобными вопросами; десятки тысяч их живут обычной, стадной жизнью, по инерции, по ранее заведенному правопорядку и часто только случайно узнают, что жизнь людей подвергается изменениям, что она не была всегда таковой, а росла, расширялась и даже больше — общественный организм может регулироваться волею и умом человека и быть направляем в ту или другую сторону; с этого момента, они уже критически относятся к общественным явлениям, у них появляются идеалы, а от темперамента, психики отдельного индивида зависит выбор оружия и средств для осуществления его. Столкновение между идеалом личности и действительностью может произойти, хотя очень редко, мирным путем — эволюционным, но чаще всего оно приводило к переустройству общества революционным образом. Идеал в той или другой степени осуществлялся удачным движением и всегда меньшинства — „барашек“ на гребнях волн народа-моря, то спокойно могучего, то бешенно-бурного, то, со скрытым кипением мирно лежащего, или порождавшего хаос и серебристую пену; плотины и устои пробивались живыми таранами и жизнь расширялась, чтобы в будущем опять подвергнуться ломке во имя нового идеала, — так беспрерывно; будь иначе — общество окаменеет, остано-

вится в своем росте и приблизится к разложению, уничтожению. Но что же делать тем, кто родился между двумя взмахами волн-возстаний, во времена затишья, не могущим и переносить жизнь жвачных животных и имеющим взгляды заставляющие их не молчать, а говорить и действовать,—пропасть же между ними и обществом так велика, что заполнить ее компромиссами немислимо?

Веления разума настолько категоричны для сознающей себя личности, что даже зная, что идя поперек хода, будет раздавлена, как индус священным слоном, все же бросается на верную гибель; в глазах общественных она является нарушительницей законов нравственных и политических, но нелицеприятная история оставит для нее почетную и славную страницу....

* * *

В настоящее время, общественная структура вырисовывается в таком виде. Часть людей, более энергичная, приспособившаяся к жизни, сумела захватить власть и пользуясь ею прибрала к своим рукам богатства земли и землю; из поколения в поколение они передавали сохраненное и отсюда появились современные магнаты капитала, но владея „орудиями производства“ они тем самым владели и рабами обрабатывавшими им их землю, превращавшими сырой материал земли в ценный продукт. Эти рабы—„пролетарии“, одухотворяя материю затрачивают громадную энергию, но пополнять ее из „зарботной платы“ не могут, она достаточна и то не вполне, для замещения траты энергии физической, но не умственной; роль их свелась на придаток к машине и они сами превратились на рынке труда в „продукт-товар“ подлежащий давлению законов спроса и предложения, они котируются на бирже, как чугун, уголь и хлопок.

Собственность, при нынешнем капиталистическом производстве, требует для управления собою ум и знания, а для этого созданы разсадники наук, но доступ к ним ограничен, в большинстве случаев только дети собственников и могут владеть знаниями—они будущие заместители их. Нынешнее образование имеет много общего со жречеством, где только посвященные могли открывать тайны природы и знакомиться с ними, но тогда нужны были особенные способности чтобы достигнуть доверия жрецов, а теперь, главным двигателем являются деньги—как разновидность капитала; успевшие проникнуть в святое святых наук, не имея под собой денежного мешка, принуждены быть на службе у владык капитала под видом пролетариата „умственного“ и их мозг, обработанный в котле учебном, есть своего рода орудие производства и как таковое требует „прибавочной стоимости“,—вот почему при одинаковом времени работы, пролетарий „фабричный“ получает далеко меньшую плату, чем пролетарий умственный.

Родовое дворянство, которому больше всего принадлежало земли, постепенно сливается с буржуазией; из их круга выходит интеллигенция умственная и религиозная,—общими силами, для защиты своих прав, прав собственников и власть имущих, они создали государственный парламентаризм—он является выразителем их интересов.

Мелкие собственники с кустарно-фабричным производством и крестьяне-землеробы, представляют из себя кадры, пополняющие ряды пролетариата; некоторые из них достигают, хотя очень редко, верхних рядов и занимают места за

трапезою вместе со своими бывшими господами,—но эти типы собственников—переходная стадия к новому виду производства и, как-бы долго они ни сопротивлялись капиталистическому владычеству и как-бы ни поддерживались законодательством, в собственных интересах правящих, они обречены на исчезновение, поглощение и это только вопрос времени.

Частная собственность есть тот фундамент, на котором, как на главной базе, построены: организация труда на капиталистических началах, семья, нравственность и право; кто отрицает ее, в такой же мере уничтожает: нынешнее распределение продуктов труда, брак, теологическую нравственность—как пережиток и парламентаризм; затрагивающий в корне один из этих институтов подрывает и собственность.

Весь мир разделен на два класса—буржуазию и пролетариат; первый живет за счет прибавочной стоимости второго, и создавая веками и всю свою жизнь, сам, бедным Лазарем, питается крохами падающими со стола богачей, а стол установлен произведениями труда этих же парней.

Надо сказать, что деление всего человечества на два класса—работодателей и работников, не так резко вообще, но для изучения социального вопроса, оно необходимо также, как пока нужны особые науки—физика, химия, астрономия и др. между тем в мире ведь нет такого дробления: он представляет из себя одно целое; на самом деле нет двух людей с абсолютно одинаковыми интересами.

Подневольный труд, не обеспечивающий сносного положения под старость, презираемый даже самими работодателями, кладет на людей ярмо раба: или создавай богатство богатым и тем самым давай в руки их кнут, которым тебя же подгоняют, или умирай с голода...

Миллионная армия чиновников государственной машины, как саранча обступила „подданного“ и „гражданина“ и пожирает жатву их; земля превращена ими в одну громадную тюрьму, где крышей служит свод неба; каждый шаг человека подвергается наблюдению, надзору и запрету,—по статьям, циркулярам и инструкциям, за номерами такими-то и такими-то;—чтобы эта машина действовала безукоризненно, она требует постоянной смазки из человеческой крови и слез...

Парламентские „говорильни“ с каждым днем расширяют поле для своего разглагольствования; депутаты без конца сменяют депутатов, слова льются, как блага из рога изобилия, но это—„дары данайцев: общественный пирог „свободно“ и благополучно проглатывается, а „век ожидания“ для „чающих“ превращается в „золотой“...

С появлением ребенка из утробы матери, он уже служит платежной единицей: национальный или государственный долг преследует его до самой смерти; он может возмущаться на тех, которые не спросив согласия наложили на него бремя дани иноземцам, но избежать ее не может, как только порвав общение с государством, но в данном случае и это мало поможет делу, так как кроме налогов прямых существуют косвенные—на предметы первой необходимости...

Всеобщая воинская повинность и яд милитаризма раз'едают народы, которые стонут под тяжестью вооружений, перевооружений, и уже не чувствуя необ-

ходимости уничтожает брат брата трудящегося под разными национальными флагами: немец—француза, русский—турка и на оборот; нежелание быть пушечным мясом и святой скотиной гонят на каторгу...

Религиозные клейма, в особенности господствующей церкви, накладываются на каждого со дня его рождения, когда он, не более как кусок живого мяса, когда органы ощущения, не говоря уже о разуме, не все еще развились из зачаточного состояния, как пуговицы на штампе прессуются последователи этих вероучений..

Любовь, воспеваемая так красиво поэтами, все та же грязная проза: первая ночь должна быть оглашена в церкви или в мэрии—она профанируется и выставляется на публичный торг, где закрепляется сделка купли-продажи.

Превратиться в палача, или быть убиваемым, владеть другими или стать рабом, голод и нищета, тюрьмы и больницы, сифилис и чахотка, дома терпимости и алкоголь, казни и кандалы, страшный одуряющий труд одних и безделье других,—вот наследие, которое я должен принять от своих предков, вот тенета и в них я принужден биться...

Этот гордиев узел жизни многие пытались развязать и пали—если не побежденными, то мертвыми; большинство из них были представителями двух великих социальных систем—коммунистической и социалистической...

*

Коммунизм, в главных положениях выражается вот в чем: все блага мира, как материальные, так и духовные, созданы веками и всеми людьми, поэтому пользование ими должно принадлежать всем: каждому „по его потребностям“ и с каждого „по его способностям“, он есть также общежитие—„коммуна“, где членам его, организованным по свободному соглашению, предоставлена полная независимость и так как человек „животное общественное“ и разумное, он не будет нарушать интересы других членов. В коммуне гармоничным образом сольются—свобода индивидуальная, развитию которой не будут препятствовать, со свободой всех,—принцип взаимной справедливости проходит через все учреждения ее; она—не государство: решение коммунальных вопросов и регулирование жизни в ней, предполагается соглашением, но, как возможно притти к нему без нежелательного голосования—не решено; большое значение в ней придается распределению продуктов труда; она осуществляется теперь и достигается отчасти пропагандой действием.

—Возражения против идеала коммунистов могут быть таковы: „коммуна“ не принимает во внимание, или упустила из виду, что все люди не одинаковы по способностям и различны по психике, поэтому, более способный будет работать на менее развитого; пусть даже производительность труда достигнет высшего предела, этот вопрос остнется в силе, так как, старики, дети, и больные всякого рода, должны пользоваться трудом способнейшего и сильнейшего, а если согласиться с этим принципом, то выходит, что я выдаю вексель на филантропическую деятельность будущей коммуне и тем обязую себя—что есть насилие и противоречие независимости. Под филантропией я понимаю существование „берущих“ и „дающих“—то и другое возмутительно, оскорбительно и не вяжется с идеальной свободой анархического общежития.

Так как Коммуна осуществляется не сегодня, а завтра, следовательно мое детство не будет обязано своим воспитанием ей и не являясь поэтому должником ее и допустив, что я не желаю трудиться, хотя бы по мотивам какого-бы то ни было свойства, считаю за собой право заявить: от прошлого остались блага в виде материальных богатств, а так как все принадлежит всем, то я прошу выделить должную часть их мне, на которую и думаю существовать;—это мое требование справедливо и должно подлежать удовлетворению: я ведь хочу не произведенного вами, а нашими общими предками, которые не узнав моего согласия создали меня, отсюда вытекает необходимость ежегодных переделов коммуных богатств, с ведением записей следующих ценностей в виде количества часов труда на каждого нарождающегося члена ее, выдача их по первому желанию—а с этим согласится не каждый коммунист. Распределение продуктов, которых по количеству слишком недостаточно, а по качеству они желательны каждому, как напр. паюсная икра, китовое молоко и др. деликатессы гастрономии, а также галантереи, произведения искусств и т. п.,—служит серьезным препятствием, тем более, что „на вкус и цвет товарища нет“, не будет же коммуна превращена в аскетическую общину, где все редкое и ценное изгонится и на все и вся оценится однообразный аракчеевский чехол. Имея целью коммуны охватывающую весь мир, со всеми его разнообразными условиями—климатическими, почвенными, растительными, животными и промышленными, а значит и с широким разделением труда—производства по провинциям, областям и т. д. то не является ли нужда в дискреционном центре, который ведал бы: кому, сколько и где должно быть произведено то-то и отправлено в обмен туда-то? Кем он будет избран и на каких основаниях,—если голосовать по известной „пятихвостке“ или другим способом, считается нелепостью, так как не большинством же голосов определяется истина?

Техника производства требует известного постоянства, регулярности; не вытекает ли отсюда необходимость „нормировок“ и кто должен их устанавливать и как? Тем более, что каждый обязан знать: где ему работать, в какой смене и что делать?—Да. Да. А организовать производство равносильно одеть смирительную рубашку на волю.

Производство не требует ли монтеров, архитекторов, заведующих, статистиков и т. п. распределение не нуждается ли в них и не за счет ли замаскированной прибавочной стоимости будут жить эти господа?—Да Да.

Техника соглашения при обсуждении всех вопросов—камень преткновения коммуны. Если коммуна возможна теперь, то ведь не все ее члены будут равны, а значит: она будет не свободна и в нее войдут не по сознательному вольному желанию;—прошли тысячелетия и люди не подведены к одному знаменателю, то и в ней этого не будет,—и тогда, помимо других явлений, должны существовать инициаторы и пассивный элемент, организаторы и организуемые, а от этого до свободного соглашения дистанция громадного размера.

Нынешняя утопия—„коммуна“, красива, заманчива, хочет быть справедливой считая людей чуть не ангелами и все же „в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань“, она не возможна, или будет коммуной не анархистов.

Социализм, главным представителем своим имеет марксистов; сущность их учения сводится к следующему; нынешнее капиталистическое хозяйство исторически необходимо, но оно в самом себе носит зародыш противоречия и само ведет общество к новым формам общежития, когда все орудия производства будут обобществлены; эта „экспроприация экспроприаторов“ может произойти без пролития крови, но не обязательно; носителем идеи „научного социализма“ является пролетариат, который по мере своего развития и понимания своих классовых интересов, выдвигается на поприще социально-политической деятельности, защищает интересы своего класса и этим готовится к будущему самоуправлению и руководству производством, которое должно не минуемо перейти в его руки; вся их современная деятельность только переходная стадия и есть ничто иное, как средство возможно скорее достичь идеала социалистического, где каждому будет воздано „по его способностям“; будущее им рисуется в виде социалистического „государства“, в котором меньшинство станет добровольно подчиняться большинству, так как иной формы решения общественных вопросов не найдено ими,—и личное благо перед общим не заслуживает многого внимания и будет тогда совпадать: „свобода, равенство и братство“.

Все сказанное против коммуны применимо и к социалистическому государству, но его надо увеличить в квадрате; если в ней есть положения противоречащие требованиям свободы, то что же тогда говорить о социализме, где личность, во имя общего блага подавлена и подчинена большинству, где дискреционная власть уполномоченных будет решать и вести и не только нормировать, а и издавать постановления обязательные для всех.

Если теперь возмущаются деспотизмом, замаскированным конечно, „пятисот“ заседающих в парламенте, то что же делать тогда против самодержавия большинства?

Право, этот демократизм страшнее аристократизма, где борьба возможна, но там где власть санкционирована большинством, возмущение почти немислимо. Интернациональный союз социалистических государств не даст возможности уклониться от его высоко-правственных поползновений, также как теперь невозможно не принимать участия во взносе податей на самые возмутительные расходы, когда воздух и вода обложены налогом и вы не замечая как пополняете казну.

Если теперь, когда власть только что улыбается социалистам, они уже мечут громы по адресу анархитов, то что же ждать после от таких свободолюбивых рыцарей....

Все-таки, как ни страшны их перуны, надо знать, что социализм марксистов ничего общего почти не имеет с пролетарским социализмом будущего. До сих пор, даже одна из сильных рабочих партий—германская, не может претендовать на роль выразительницы и носительницы „классовых“ интересов пролетариата, который только в периоде роста и еще не сказал своего слова; эта пролетарская партия наполнена выходцами из буржуазного класса, которые своим влиянием стирают острые углы ненависти ее к существующему обществу обирающему обездоленных. „Научный социализм“ в настоящее время ничто иное, как помесь идей пролетарских и разночинной интеллигенции и даже больше—просто буржуазии. Рабочие носившие сами кандалы неволи, найдут иные пути к буду-

щему, чем их самозванные выразители, и не станут заковывать других во имя своего благополучия.

Нравственность, право, семейные отношения, являются „надстройками“ на форме собственности, „экономики“ данного времени; не следует ли отсюда, с очевидностью не требующей доказательств, что все они вытекают из современных экономических отношений, что они буржуазные, а не пролетарские. Можно было бы думать, что пролетарии и их выразители „марксисты“ отрицают нынешние нравственность брак?—Ни.гу.ть!

Возьму для примера случай, когда не „рядовой“, а пролетарий из дипломной интеллигенции, носивший кандалы и испытывавший каторгу, считал „телесное наказание“ розгами позорным, говоривший о самоубийстве если бы ему пришлось вынести живую расправу, и удивлявшийся, что другие иначе мыслят; анализ этого взгляда показывает, как сильно влияет среда и воспитание: позорное глумление над телом раба, было обычным в дореформенное время в России, да и после практиковалось,—„господа“, конечно, для себя этот род пытки, считали безчестным и такое отношение к ней передавали детям, что наконец вошло в „кодекс чести“—стало достоянием верхнего слоя общества и приравнивалось ими к клеймению и рванью поздравей; это понимание было перенято бывшими „крепостными“ и, таким образом, „нравственность“ владык перешла к рабам и, дальше—без критики,—к нам, в новое время. Христиане первых веков, в эпоху гонений на них, были куда логичней: они все пытки, которым подвергались от врагов, находили почетными и гордились ими.

А не отказались ли социалисты, в особенности марксисты, от нынешней формы брака и семьи, как последствиям известных производственных отношений?—Видите ли этот вопрос очень щекотлив,—нас-де и так „обвиняют в разврате“, и разбираться в нем еще очень рано: „общество“ не готово к новому виду их, а потому... представители и носители „научного социализма“ следуют далеко не научным, буржуазным брачным сочетаниям.

*

Многим грешат и анархисты разных оттенков. Мне приходилось слышать, как один из них с восхищением говорил о „коммунистах“, имеющих в армии, несколько не подозревая всей дикости положения—анархист в мундире!

И социалисты, и анархисты, сплошь и рядом несут буржуазно-государственную службу и серьезно мнят себя „истами“; многие из них работают на фабриках и заводах капиталистов, забыв, что ведь этим они куют узду, которой их же взнуздывают: сами увеличивают капитал и тем дают новое оружие в руки врагов и оттачивают его, кладут кирпич в основание одной из колонн поддерживающих существующее; ничтоже сумняшеся некоторые из них участвуют в производстве алкоголя, опьума, в особенности броненосцев, миноносцев, пороха и оружия всякого рода для армии и войн, и тем собственноручно вооружают врагов и убивают таких же как сами, но других племен; строят храмы и остроги. Да разве этим не укрепляется цепь сковывающая их и мир. В тайной вечери буржуазии не должен участвовать имеющий искру Прометеева огня свободы. И разве „идеал“ не обязует быть им самим? Последователи разных „измов“ часто не

замечают и забывают о их содержании; не следует ли вспомнить изречение известного деспота; „всеу законы писать, сжели их не исполнять“, и применить его к своему внутреннему закону, заставляющему их говорить: „я емь“! Не прав ли Штирнер, когда носителей идеалов называет „одержимыми“.—И в самом деле, еслибы одного из них принудили сделаться рабом, подчинится современному гнету, то не протестовал ли бы он во имя справедливости и прав личности. А когда свой идеал и его осуществление навязывает будущим поколениям, думая что там должны жить так, а не иначе, как он себе рисует, то тут не видит насилия.

Предоставим мертвым прошлого и будущего „погребать своих мертвецов“—им виднее, что для них лучше и какой идеал жизни выбирать. Наш „идеал“, теперь, не считаясь с последствиями, должны мы и осуществлять,—в противном случае, он, как скафандр водолаза, тянет ко дну,—стань на него ногами и расправь свои крылья о, человек.

Когда-то чудовищам приносили в пищу людей,—так говорят в сказках, а теперь она стала былью: чуть свет раздается рев чугунный, это их зов: сотни тысяч мужчин, женщин и детей, несут им свою кровь, мускулы, здоровье и жизнь, высосав силу чудовища отпускают их на ночь, и то не всегда, что бы на утро снова взяться за то же. Сиздавна несется не то стон, не то песня: „эй, дубинушка, ухнем“ и непрерывно дзень бум раздается.... Горы товаров навалены в складах, амбары переполнены хлебом, а их творец—ходит гол и голоден. Как проститутка он торгует своим телом, дает радость и наслаждение врагам, а сам,—сам мечтает об „идеале“, когда „не будет на свете ни слез, ни вражды. ни безкrestных могил, ни рабов, ни нужды безпросветной, мертвящей нужды, ни меча, ни позорных столбов.“ Как христиане, видевшие перед глазами „царство божие“ умирали на арене цирков, наполняли тюрьмы и каменоломни в глубокой надежде переделать мир и осушить слезы земли,—видит и он лучший мир, стремится к нему, живет по спартански и идет на каторгу, но как христиане двадцать веков напрасно прождали и жизнь свою сожгли, чтобы рабским трудом своим накормить кучку Лукуллов, Неронов и им подобных,—прождет напрасно и он.

Отбрось будущее, оно принадлежит послерожденным; ты не живешь, а томишься, перевариваешься „в котле“ фабричном, а жизнь проходит и ты не видишь солнца. Как сопоставить ненависть твою к работодателям и твой труд на них же?—Твои проклятья расходятся с делом. Не вливай напрасно новое вино в старые меха. Начни же мораждать твоих врагов, их же оружием, в самое больное и смертельное место—в капитал. Ты, созданный создавать, не жли „всеобщей забастовки“, а скрести руки, прекрати созидание—и ты победишь!

Часто слышишь обвинения против правителей и за торговлю водкой, и за дома терпимости, за почти поголовную безграмотность, но в то же время видишь, как тот же возмущавшийся раб идет в „монопольку“ и выкладывает двугривенный, на который будет нанят стражник для успокоения его бунтарского духа; в деревнях нет школ, но зато, на собранные пятаки строят златоверхие храмы; ненавидят „мпроедов“, но еще издалека снимают перед ним шапки.....

Продавать свое тело, или покупать других, бить при удаче кого-либо или подставлять свою щеку,—ниного нет. Нет человека—есть раб и рабский дух

осеяет все учреждения его! Не избежали его и профессиональные союзы и организации всякого рода: „представительство“, поручительство, передача воли другому, центры, комитеты и многое, говорящее скорее о потере самостоятельности и энергии, чем о борьбе. Союзы приучают к „постепеновщине“, грошевым расчетам; в то время как жизнь коротка и проходит бесследно, занимаются толками об уменьшении на несколько минут рабочего времени, когда уже доказано, что достаточно четырех часов труда, чтобы все были обеспечены всем; они кроме подачи милостыни, своею жизнью, Ваалу капитализма ни до чего не думались.

„Всякому имеющему дано будет, а у не имеющего отнимется и то, что имеет“. Как верно отметил Гете, посылая в Фаусте проклятья тому, что люди считают счастьем верным: „Семейству, власти и труду“. И дальше:—„Но больше всех, тебе проклятие—терпенье—злейший наш порок!“ Большинство „организаций“ плод бессилия, самопомощь не равных, где хромой ведет слепого, где люди так привыкли говорить „мы“, что их скорее можно убедать, по выражению Фихте, принимать себя за кусок лавы на луне, чем за „я“, в них индивидуальность не терпима и шероховатость ее сглаживается под общий ранжир „среднего“ человека. Хотят психику, которая так велика своей оригинальностью, связать узами однообразия; как сапог на базаре покупается всяким, думают приобрести идеи Кропоткина, Маркса, Штирнера, Бакунина и др. сильных своей индивидуальностью, и потянуть на первого встречного. Люди в своем мире так разнообразны, как цветы весною на лугу, где каждый издает только ему свойственный аромат, имеет иную форму, чем его сосед, в линиях такое же разнообразие, как в лицах людей, двух листьев одного и того же дерева не найдешь одинаковых. Нет „марксистов“, „бакунистов“ существование их следствие недоразумения,—есть Маркс, Бакунин, их идея срослась с каждым из них, и отнять ее от них, это все равно, что изучать ботанику по сорванному и измятому цветку, любить растительность, когда она лежит в ярусах дров.... Не заглушать свою самобытность, а проявлять ее должен всякий из нас. Выказать все свои способности, развить всю свою энергию, расцвести пышным, одуряющим или ароматичным цветком, своей заложенной природою индивидуальностью,—в этом назначение человеческой жизни. Быть самим собою в великом и низком, в красоте и безобразии, в радости и горе, а тем более в идеях—вот в чем цель человеческого существования. Не скрывать свои особенности должен индивид, а культивировать. Мимитизмом идей страдает человек.

* * *

Я взял эпиграфом мысль Бакунина, но согласиться с ней вполне не мог—она не логична: разрушать, чтобы создавать, и создавать для разрушения, мне кажется верчением белки в колесе. Что разрушение в своей основе несет созидательный дух—верно: появившееся в человеческом обществе пустое пространство чем-нибудь да заполняется, а постоянное разрушение, вызывает постоянное, ответственное, все более совершенное, созидание; но я думаю, что разрушать самому, для того, чтобы создать и разрушить сызнова, созданное самим, значит—рисовать по песку берега моря иероглифы и заравнивать их.